
Ирина Криушинская
Возлюбленный феи

Ирина Криушинская

Возлюбленный феи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73002947
SelfPub; 2026

Аннотация

Фабио не верил ни в любовь, ни в волшебство, пока в его жизни не появилась прекрасная фея Розалинда. Но могут ли быть вместе фея и простой смертный? И есть ли на этом свете женщина, способная пробудить в нём любовь?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 15
Глава 3 22
Глава 4 29
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Ирина Криушинская
Возлюбленный феи

Глава 1

Чудес не счесть – осталось только верить.

Хотя Инверна и считалась северной провинцией, зимы здесь были теплее и мягче. На памяти Фабио суровая холодная зима выдалась лишь в этом году. Да по рассказам отца он знал, что в год его рождения зимой были долгие сильные холода.

Но вспоминая прошедшую зиму, Фабио лишь мрачнел. Поначалу он веселился как мальчишка, перебрасываясь с детворой снежками. Мог весь день сидеть у замерзшего окна, рассматривая и зарисовывая морозные узоры на стекле.

А потом простудился и тяжело заболел отец. Слёг и уже не поднялся с постели, не оправившись от болезни. Никто из нас, смертных, не вечен, но почему-то, когда из жизни уходят близкие и родные нам люди, нам кажется, что их не стало слишком рано.

Фабио было всего семь лет, когда, потеряв неродившегося ребёнка, скончалась его мать. Карина была вдвое моложе своего супруга, но так случилось, что это Флавио всю оставшуюся жизнь оплакивал свою молодую красавицу жену.

В Суэносе Флавио Кортеро славился как искуснейший плотник и резчик по дереву. В наследство он получил и мастерскую, и ремесло. И с малых лет Фабио готовился стать преемником своего отца, с вниманием выслушивая его наставления.

И сердце Флавио наполнялось отцовской гордостью за подраставшего и набиравшегося умения сына. К совершеннолетию Фабио о нём говорили уже не только как о сыне своего отца, но и как о молодом мастере.

На молодого статного юношу заглядывались многие девушки, но, даже срывая с их губ поцелуи, Фабио никого не любил.

Гордый, но не заносчивый; упрямый, но не бездушный, он не заискивал перед выскочками и господами, а обидчику мог дать достойный отпор.

И вот, оставшись в двадцать четыре года один на свете, Фабио почувствовал себя беспомощным мальчиком. Будто из-под ног у него выбили опору. И работа не спорилась в его умелых руках.

Опустив хмурый взгляд, Фабио шёл по улице, не замечая никого и ничего вокруг. Но до его затуманенного печалью сознания всё же дошёл неприятный шум. Орава мальчишек следовала по пятам за какой-то дряхлой старушкой, что-то выкрикивая и бросая в её сторону мелкие камешки и горсти пыли. Фабио не мог остаться равнодушным.

– А ну, кыш отсюда! – прикрикнул он на мальчишек. – Всё

у вас хорошо, почтенная? – спросил он у казавшейся невозмутимой старушки. – Надо было надавать подзатыльников озорникам.

– Они всего лишь дети, – дребезжащим голосом мудро возразила старуха, – а дети не всегда понимают, что хорошо, а что плохо. Не всегда верят, что и они тоже когда-нибудь состарятся.

Фабио поддержал старушку. Лицо её было изрезано морщинами, седые растрёпанные волосы были перевязаны платком.

– А ведь в свои годы я была почти так же красива как сама вечноюная Розалинда, – сказала старая женщина, заметив взгляд молодого человека.

– Тогда, может, не так уж она и красива, – едва слышно усмехнулся Фабио.

Но старуха, по всей видимости, расслышала его слова.

– Вот и ты смеёшься, не веришь. Значит, не слышал о прекрасной фее Розалинде, живущей в беломраморном дворце? Глаза её как прозрачные лазурные волны, волосы сияют золотом, кожа нежна как шёлк и бела как лепестки лилии. Немногие видели её, но те, кто видел, уже никогда не забывают её волшебную красоту.

– Так ты её видела? – поинтересовался из вежливости молодой человек, не особо веря словам незнакомой женщины.

– Однажды, давно, когда была молода.

– Значит, очень давно, – сделал вывод Фабио.

– Да, очень, очень давно, – посмеялась вслед его словам старуха. – Доброе у тебя сердце, Фабио. Помни о Розалинде. Может статься, понадобится тебе её помощь.

Фабио ничего не ответив, смотрел вслед уходившей старухе, задумавшись вдруг, откуда та знает его имя. «Неплохая сказка на ночь», – думалось молодому ремесленнику. А любопытствующее воображение рисовало черты прекрасной розы, феи Розалинды. Какой же должна быть юная фея, чтобы невозможно было забыть её красоту?

А старуха, шаркая ногами и перебирая клюкой, добралась до чьего-то дома и постучала в дверь. Ей открыла молодая женщина с покрасневшими от слёз глазами, измученная ночами без сна.

– Мне нечего дать тебе, – сказала она незнакомой старой женщине, приняв её за нищенку. – Денег у меня нет. Разве что хлеб, который я испекла вчера.

– Ничего мне от тебя не надо, – проскрипела старуха. – Я слышала, у тебя больна дочь. Может, у меня получится вылечить её.

Женщине было страшно, но жизнь малютки дочери была ей дороже всего на свете. И молодая мать впустила нежданную гостью в дом.

Но едва закрылась дверь, как вся комнатка наполнилась розовым сиянием и еле ощутимым запахом роз. Не безобразная старуха стояла теперь перед заплаканной молодой женщиной, а прекрасная фея Розалинда.

Волшебница подошла к кроватке девочки, протянула руку и коснулась лба малышки. Через мгновение та очнулась и протянула ручки к матери. А изумленная молодая женщина не знала, то ли ей обнимать свою дочь, то ли благодарить фею за исцеление.

Снова слёзы на глазах молодой матери, но теперь это слёзы радости и благодарности. Она подошла к дочери, взяла её на руки, убеждаясь, что малышка здорова.

– Как мне благодарить вас, госпожа? – повернулась она к фее. – Кто вы?

– Я фея Розалинда. Береги свою дочь, Марта, – сказала она на прощанье и исчезла.

Молодая женщина долго не могла опомниться и сдвинуться с места, едва веря в случившееся. Исчезло розовое сияние, но остался аромат роз, как напоминание о чуде. И Марта знала, как ей отблагодарить фею. Она расскажет, что её дочь исцелила фея Розалинда.

***

На следующий день на городском рынке между торговками только и разговоров было, что о чудесном выздоровлении дочери Марты.

– Я сама видела её дочку. Она здорова. Чудеса.

– Чудеса, – проворчала другая женщина. – Говорят, это колдовство.

– Марта говорит, что это была фея Розалинда. Так представилась та прекрасная госпожа.

– Не верю я. Сказки всё это. Лекарства просто помогли.

– А я верю Марте.

Кто-то так же кивал головой, кто-то посмеялся, но тут появилась сама Марта. Счастливей, а потому и прекрасней женщины не было, верно, во всём Суэносе. По торговым рядам тут же пробежал сдержанный шёпот.

– Здравствуй, Марта, – сказала торговка молоком, едва молодая женщина поравнялась с её лотком. – Как всегда за молоком для своей Лауриты? Специально для тебя я оставила одну крынку.

– Спасибо, соседка, – ответила ей сияющая Марта.

– А как твоя дочка? Мы слышали, что она выздоровела.

– Да, моя дочь здорова. Её исцелила фея Розалинда.

И счастливая Марта принялась рассказывать. И проходивший мимо Фабио услышал её рассказ о том, как старуха превратилась вдруг в сияющую прекрасную фею. Фабио словно громом поразило. Понял он, о какой старухе шла речь. Он даже забыл, за чем пришёл на рынок.

– Подождите! – догнал он Марту.

Та обернулась, испугавшись было, но потом приветливо улыбнулась молодому красивому мужчине, узнав его.

– Здравствуй, Фабио! – произнесла она.

– Как? Вы знаете меня? – удивился он.

– Кто в Суэносе не знает мастера Фабио?

Молодой ремесленник посмотрел на Марту, но не мог вспомнить, знает ли он её.

– Я слышал, как вы говорили о фее Розалинде. Расскажите мне ещё! Прошу!

– Она прекрасна! – охотно заговорила о своей благодетельнице молодая женщина. – С лилейной кожей и золотыми волосами. И вылечила мою Лауриту не попросив ничего взамен. Фабио, что же ты? Ты слышишь меня?

– О да, говорите, прошу вас!

– Но мне больше нечего добавить, – развела руками Марта.

И в мечтах о прекрасной Розалинде Фабио направился домой. Он взял лист сероватой плотной бумаги, грифель, но вместо таких привычных узоров и завитков орнамента его рука вдруг очертила овал лица, волны пышных длинных волос. Потом слегка изогнутые тонкие брови, глаза в обрамлении длинных ресниц, мягко очерченные губы. И с листа бумаги на Фабио взглянула незнакомая красавица. Ему даже показалось, будто нарисованные губы женщины дрогнули в печальной улыбке. Но это лишь воображение. Лишь рисунок. А он по-прежнему один.

***

А ночью разыгралась гроза. Ветер распахнул незапертые ставни, едва не выбив стёкла. Не успевший заснуть Фабио вскочил с постели. Леденящий ветер с дождём захлестал ему в лицо, а потом с остервенением в закрытое окно. Фабио остался стоять у окна.

Снова стук. Но разве это не дождь? Теперь голос. Тонкий,

женский. Да не грезится ли ему всё это? И кому может понадобиться бродить в такую ночь? Но Фабио подошёл к двери и открыл.

На пороге стоял кто-то невысокий, в насквозь промокшем плаще.

– Я заблудилась. Я шла в Суэнос. Там живёт моя тётушка.

Фабио втянул молоденькую девушку в дом. С её волос стекала вода.

– Да не стой ты на пороге, глупышка. Там же ливень. И ты не заблудилась. Это Суэнос.

– Тогда я пойду, – вспыхнули радостью огромные глаза девушки, – разыщу дом своей тёти! – кинулась она к двери.

– Куда ты! Ночь и гроза! Пережди непогоду! – остановил её Фабио.

– Нет-нет, – заторопилась девушка.

– Да ты меня что ли боишься? – рассмеялся догадке Фабио.

Девушка чуть заметно кивнула. Фабио снова рассмеялся. Кто же эта девушка?

– Вот глупышка. Ты же вся промокла. Идём. Я разведу огонь. Ты согреешься.

И не слушая возражений девушки, он взял её за руку и повёл за собой. И вот, разведённый рукой Фабио, в камине пылает, разгораясь, огонь, и пламя тянется всё выше и выше. Согревшись девушка почувствовала себя намного увереннее. Бушевавшая снаружи гроза уже не волновала и не

пугала её.

Оглядевшись по сторонам, девушка взяла со стола посреди комнаты белевший лист бумаги, привлёкший её внимание. Она опять подошла к камину и присела, чтобы лучше разглядеть рисунок. И удивилась красивому женскому портрету. Но тут с горячим питьём для девушки вернулся Фабио.

– Кто это на портрете? – повернулась к молодому хозяину его гостья.

– Не трожь! Зачем ты взяла? – ревниво воскликнул Фабио, забыв о вежливости.

Испуганная гостья поспешила встать и отдать портрет, но до того неловко, что лист бумаги выпал из её рук и непонятным образом попал в камин.

Жадное пламя набросилось на женский портрет, сжигая ревниво, неумолимо и безвозвратно. Фабио кинулся к огню, обжёг руки, но вытащил лишь обгорелый уголок, тут же рассыпавшийся пеплом. На девушку молодой человек уже и не смотрел.

– Что ты сделала! – со слезами отчаяния воскликнул он.

– Так этот портрет на листе бумаги тебе дороже, чем я? – прозвучал женский голос.

Фабио впервые слышал этот высокий, чистый, словно звенящий голос. И заметил вдруг наполнившее комнату сияние. Фабио замер в оцепенении, не осмеливаясь взглянуть вверх. Пред ним во всём великолепии своей ослепительной волшебной красоты стояла фея Розалинда.

– Что же ты молчишь, Фабио? Разве не хотел ты меня видеть?

– О да, да! – воскликнул он, и восхищению его не было предела.

– И я прекрасней, чем ты представлял? И чем та, на портрете?

– О да! Прекрасней всех!

– Чем же так не угодили тебе городские красавицы, что ни одна из них не привлекла тебя, не очаровала, не затронула душу и не покорила сердце? – задумчиво спрашивала Розалинда.

– Ни одна из них теперь в моих глазах не сравнится с тобой, Розалинда, – шептал очарованный ею Фабио.

– Не сравнится, – подтвердила фея. – Никогда и никто. Но ты ещё встретишь ту, которую полюбишь, – словно заклинание и пророчество произнесла она, касаясь его тёмных волос.

– Уже встретил, – возразил Фабио.

– Меня ты любить не можешь, – ответила фея с затаившейся печалью в красивом голосе.

– Но подобных тебе нет…

– И быть не может, – повторила Розалинда. – Будь же благоразумен. Не ищи меня. Ты не найдёшь. А теперь прощай.

– Нет! Не исчезай! Розалинда!

Но сияние померкло. Взволнованный Фабио выбежал из дома, но лишь вымок под дождём. И вернулся, не в силах

понять, было ли реальностью то, что случилось с ним.

***

Розалинда вернулась в свой цветущий сад в стране фей. Деревья и травы, цветы и птицы приветствовали её щебетание, шелестом, ароматами. Белочка, спустившись с верхушки дерева, спрыгнула на руки волшебнице. Та погладила рыжую мягкую шёрстку своей любимицы Хэллы и заговорила с белкой.

– Я не понимаю, что со мной. Зачем я сделала это? Ведь я не могу, не должна любить! И всё же что это? Если я хочу видеть его снова и снова.

Белочка ответила что-то, но юная фея лишь покачала головой.

– Слышишь, он думает обо мне. Я не могу обмануть его. Я не могу не прийти.

Глава 2

Не призрак же в ночной тиши во сне сюда ко мне явился.

***

На Суэнос кружевным покрывалом опустилась ночь. Ветер разогнал тучи, и небо засверкало тысячами звёзд. Фабио работал без отдыха весь день, кропотливо вырезая узоры по дереву.

А сейчас он спал и видел сны. И даже не проснулся, когда чьи-то тёплые губы поцеловали его несмело. Но видел он во сне прекрасную девушку, сидевшую в изголовье и пленительно улыбавшуюся ему. К ней потянулись его руки, заключая в нежные объятья. Страстные губы вернули незнакомке поцелуй. Сам того не подозревая, Фабио сжимал в объятьях прекрасную Розалинду.

Нарушая все запреты, она осмелилась полюбить, познать прикосновения мужчины и тайны любви, приняв смертный облик, чтобы суметь познать то, что способна испытать женщина в объятьях мужчины. И сейчас она всего лишь юная девушка, стыдливо принимающая ласки пылкого возлюбленного.

Как странно чувствовать в крови разливающийся огонь и одновременный трепет! И как странно чувствовать себя в крепких мужских объятьях, от которых замирает сердце. И

запретная вечная тайна должна вот-вот раскрыться во всей грешности и святости, и неизменности со дня сотворения мира. Извечное единение двух начал во всей их противоположности в нечто целое и совершенное. Так было раньше, так есть сейчас и будет всегда впредь.

Но такое же извечное и неизменное, солнце забрезжило на востоке, немилосердно оттесняя ночь. Но рано ему ещё праздновать победу над мраком. И есть ещё время, чтобы вернуть друг другу не один поцелуй и не одну ласку.

Фабио открыл глаза, но кажется ему, что он всё ещё грезит, обнимая золотоволосую деву. И снова он целует её послушные мягкие губы, ласкает совершенное тело, осторожно овладевает ею.

Как мучительно знать, что блаженство – это всего лишь мгновение. И скоро не останется времени даже на последний взгляд. Нет ничего горестней, чем осознание того, что произошедшее больше никогда не повторится. Но любовь, живущая надеждами, верит, что эта ночь не будет единственной.

Безжалостный рассвет, даривший прежде только радость, зачем ты отнимаешь счастье? Оно и без того не вечно…

И Фабио понимает, что он уже не грезит. Что девушка рядом с ним не выдумка ночи. И черты её лица так прекрасны и знакомы. Не успел Фабио произнести её имя, как она исчезла в розовой рассветной дымке. И всё стало похоже на сон, удивительный и странный, волшебный и завораживаю-

щий, незабываемый.

В недоумении Фабио огляделся вокруг. Неужели всё это только приснилось? Но ведь не только его теплом согрета постель. И где искать ту деву, подарившую восхитительную ночь любви? И есть ли на свете та, кто может сравниться красотой с Розалиндой? Но разве можно сравнить волшебную красоту феи с красотой простой смертной женщины?

***

В стране Вечной Весны, куда снова вернулась Розалинда, день давно вступил в свои права. В тенистой беседке, сплетённой из нижних ветвей деревьев, царила прохлада. Там отдыхала фея Розалинда. Белочка Хэлла сидела рядом, помахивая длинным пушистым хвостом.

– Я знаю, это было безумие, но тебе ли меня осуждать, Хэлла!

Тёмные беличьи глазки смотрели на фею с человеческим пониманием. Розалинда взмахнула рукой и на месте белочки оказалась молодая девушка с длинными ярко-рыжими волосами, в светлом платье. Хэлла посмотрела на фею и из её светлых, зеленовато-серых глаз скатились слёзы.

– Твой Волк всё ещё помнит тебя. Я знаю. Я верну его тебе, обещаю. Вы сможете быть вместе.

– А ты?

– Удел смертной женщины не для меня.

– Но ведь ты можешь снова увидеть его, – напомнила Хэлла.

– Да. Он всё ещё помнит меня…

И розовокрылая бабочка взлетела в вечернее небо сквозь листву деревьев.

***

Фабио отложил резец, стряхнул стружки с резной поверхности стола. Закончен многодневный труд.

И прошло много дней с той ночи с золотоволосой красавицей. Фабио не переставал о ней думать, видя её во сне снова и снова. Как не переставал думать о Розалинде.

Сняв фартук, Фабио вышел из мастерской. Взойдя на крыльцо своего дома, постоял немного на веранде, а затем зашёл в дом, оставляя вечернюю полутьму за дверью.

Фабио развёл в камине огонь и сел на пол перед каминной решёткой. Он грезил о той ночи, когда увидел фею Розалинду, когда она незнакомой девушкой постучала в дверь его дома. Но вспоминалась ему и другая девушка. Та, которая наяву или во сне провела с ним незабываемую ночь.

Погружённый в свои мысли он почти не слышал звука лёгких шагов за своей спиной. Но почувствовал прикосновение чьих-то рук к его плечам.

Фабио резко обернулся. Но зародившийся страх сменился изумлением и восхищением, когда он увидел взгляд сияющих глаз златовласки. В прекраснейшем из смертных обликов к нему явилась Розалинда. И снова Фабио засомневался, не грезит ли он наяву.

– Ты вернулась! Неужели я сплю?

– Нет, это не сон, поверь мне, – чуть повела головой девушка.

И её тонкие руки коснулись его волос.

– Откуда ты? Кто ты?

Фабио узнал свою ночную золотоволосую гостью, но не мог узнать в ней фею.

– Не спрашивай, я не смогу тебе ответить, – ответила его златовласка.

– Хорошо, не буду, – смирился Фабио, – ты только не уходи.

Он провёл рукой по сияющему золоту её волос, рассыпавшемуся по плечам.

– А ты не отпускай меня.

– Буду счастлив исполнить это твоё желание!

Розалинда позаботилась о том, чтобы Фабио не мог узнать её. Святое таинство любви скрылось за пологом кровати даже от звездноокой ночи. Снова нарушен запрет. Но стоили того исступлённые, безумные ласки, жаркие поцелуи, тесные объятья.

Как же сладко пылать в объятьях возлюбленного и самой дарить любовь! И как горько понимать, что всему этому неизбежно придёт конец.

И снова близился рассвет.

– Я тебя не отпущу! – ещё крепче обнял девушку Фабио.

– Ты не в силах будешь меня удержать. Это не в твоей власти, – горько возразила златовласка.

– Но я не хочу отпускать тебя!

Красавица покачала головой.

– Просто заклинание теряет силу с рассветом.

– Но рассвет! Рассвет!

Руки красавицы коснулись его плеч.

– Прощай, Фабио! Забудь меня! Не ищи!

– Не покидай меня снова!

Фабио сжал её в объятьях. Душа Розалинды раскрылась, словно крылья бабочки, едва покинувшей свой тесный кокон, и разорвала смертную оболочку. На миг Фабио ослепило её сияние, а потом золотоволосая красавица исчезла в утреннем тумане за окном. Фабио сорвал призрачный полог, который тут же исчез из его рук.

И снова он один. Неужели теперь навсегда?

***

Фабио уныло оглядывал полупустую смежную мастерскую, построенную ещё осенью, когда был жив отец.

Флавио решился на расширение мастерской, когда стало совершенно ясно, что им с сыном, двумя подмастерьями становится тесно. А Фабио к тому же хотел взять себе учеников.

Но зимой заболел и скончался отец, и Фабио оплакивал его, словно мальчишка, забыв о работе. Подмастерьев переманил к себе мастер Атилио, посулив им, видимо, заработок больше, чем мог пообещать оставшийся без поддержки отца Фабио. Учеников Фабио себе так и не взял. Времени на их обучение у него уже не оставалось.

Смирившись с потерей отца, отбросив горькие мысли, Фабио взялся за работу, торопясь закончить заказы, которые великодушно согласились подождать узнавшие о кончине старого мастера заказчики.

Но вот весна, озарённая сиянием феи Розалинды, вернувшая ему радость жизни, желание вновь творить, уступила свои права лету. Пора было на что-то решиться и действовать.

Ему был нужен хотя бы помощник и напарник. И тогда, возможно, он наберёт и учеников, которым он сможет уделять время, и которых они будут учить вдвоём.

За прошедшее время Фабио не смог забыть ни феи Розалинды, ни девушки-златовласки, но по тому сиянию, исходившему от его ночной гостьи, понял он, кто был в его объятьях. И понял всю несбыточность своих мечтаний, едва в силах смириться с этим. Может, однажды он и расскажет кому-нибудь о том, что видел фею Розалинду. Но сейчас…

Сейчас ему было необходимо увидеться с другом отца. Не столько ради совета, сколько ради поддержки. И, выходя на улицу, Фабио закрыл дверь своей мастерской.

***

Глава 3

На что ж, скажите, есть друзья?

Царство древесных ароматов на складе дона Армандо Сальваторе было знакомо Фабио с детства и казалось таким же родным, как и запах его собственной мастерской.

Любой опытный мастер не только по цвету древесины, но и по запаху мог отличить один сорт древесины от другого, одну породу дерева от другой. И Фабио сейчас среди всех древесных сухих запахов легко улавливал то смолистый запах свежей сосны, то сладкий запах липы.

И хотя визит Фабио к Сальваторе был дружеским, молодой ремесленник не забыл поинтересоваться у почтенного торговца, по-прежнему ли он, Фабио Кортеро, может рассчитывать на сделки с ним. На что получил самые искренние заверения дона Сальваторе, что их соглашение всегда останется в силе.

– И покуда я жив, не сомневайся, всегда помогу, –Армандо по-отечески положил руку на плечо Фабио. – Ради памяти твоего отца, ради нашей с ним дружбы.

– И вот остаток платы, который я не мог отдать весной, – Фабио выложил на прилавок стопку монет. – Дружба дружбой…

– А деньги деньгами, – договорил дон Сальваторе. – И я не в убытке, и мы в расчёте.

Их подходившая к концу неторопливая дружеская беседа была прервана появлением Роберто Фарина.

Фабио узнал друга детства, в прошлом году вернувшемся из Ростаны, где тот работал в мастерской двоюродного дяди. Молодые люди обменялись рукопожатиями.

Ни то, что Роберто не был учеником Флавио, ни то, что подался в работники к Атилио, не перечеркнуло их дружбы. Роберто был явно рад видеть Фабио. А тот был рад вдвойне, давно ища встречи с ним. И, уступая просьбе Фабио, Роберто даже забыл, зачем приходил к дону Сальваторе. И, поздоровавшись с ним и извинившись, тут же ушёл с другом.

– А давно ли закрыта твоя мастерская? – спросил Роберто.

Фабио растерялся, пожал плечами.

– Так мне нужно было уйти. Не держать же дверь нараспашку, когда меня нет ни в мастерской, ни дома.

– Так, говорят, ты вовсе её закрыл.

– От кого ты услышал эту нелепицу? – рассмеялся через силу Фабио. – От старика Атилио? Чего он только не наплетёт. Да, работы, может, и не много, – мрачно признался Фабио. – Но закрывать из-за этого мастерскую? Этого не будет. Атилио этого не дождётся.

Фабио покачал головой.

– Да дело ли одному работать в мастерской? Я бы не смог, – засомневался Роберто.

– А у меня нет выбора, – развел руками Фабио. – Ты ведь знаешь, у нас с отцом были помощники. Атилио переманил

их, когда умер отец, а я не мог ни о чём другом думать. Позови я их сейчас, ведь они побоятся уйти. Да я и не стану их звать к себе.

– А меня? Я бы не побоялся уйти, – осторожно заговорил Роберто.

– Ну, ты же не мальчишка, чтобы его бояться! – поддержал друга Фабио.

– И не богач, чтобы так запросто уйти от Атилио. Говорят, ты тоже…

– Что тоже? Не богач? Но и далеко не беден, поверь мне на слово, – подмигнул другу молодой Кортеро. – И если бы ты помог мне разбогатеть на зависть Атилио!

– И быть в подмастерьях у тебя? – недоверчиво спросил Роберто. – Что за разница?

– Зачем же подмастерьем? Мастером-напарником. Или ты ничему не научился в столице? А? Пополам работа, пополам заработок. Ну? Чем плох договор? – выжидательно спросил Фабио.

– Только тем, что ещё не скреплён согласием, – ответил Роберто. – Атилио будет в бешенстве!

– Ещё бы! Остаться без такого мастера! – подмигнул Фабио. – А что за дело было у тебя к Сальваторе?

– Даже не угадаешь, – хитро прищурился Роберто.

– Где уж мне! – посмеялся с ним Фабио.

Он помнил, что Роберто с детских лет заглядывался на кареглазую дочку Сальваторе, но кто он такой, чтобы судить

о чужих чувствах и намерениях?

***

Молодые ремесленники быстро сработались, без малейших споров договорившись обо всём. Роберто обосновался в старой мастерской, а Фабио стал обустраивать смежную мастерскую, поставив там пару новых верстаков. Таким образом в одной мастерской стало чуть свободнее, а вторая обрела более рабочий вид.

Порой Роберто вслух мечтал о том, что однажды у него тоже будет своя ремесленная мастерская. Фабио вместе с другом размышлял и строил планы на будущее. Взять ли им учеников сейчас или после зимы. И кто из знакомых им мальчишек может стать способным терпеливым учеником.

Фабио с интересом выслушивал все планы Роберто, все рождавшиеся идеи, всегда одобрял самые разумные. Но когда речь заходила о лавке дона Сальваторе, и о том, не хотел ли Роберто стать, как он торговцем, Фабио словно невзначай упоминал о его кареглазой младшей дочери – Изабелле.

Роберто смеялся, но ничего не отрицал. Ни того, что Изабелла хороша собой, ни того, что давно думает о ней. Вот только полагавшееся за невестой приданое, по словам Роберто, нисколько его не интересовало.

– Был бы дом, куда привести молодую жену, да руки умелые, чтобы семью прокормить, – повторял Роберто.

И Фабио соглашался со словами друга. У него самого был дом, ставший большим для него одного, мастерская, напол-

нявшаяся готовыми заказами.

И только его сердце, и пленённое, и свободное, жило ожиданием какого-то чуда, сравнимого с волшебной красотой незабываемой феи Розалинды.

***

Розовокрылой бабочкой вернулась из странствий по миру юная фея Розалинда и теперь тоскливо бродила по своему волшебному саду.

– Я не могу стать смертной навсегда, чтобы прожить человеческую жизнь с Фабио, – уговаривала она себя. – Мне дарованы тайны магии. Я не могу ими пренебречь ради мимолётного счастья.

Белочка запрыгнула на руки к волшебнице, одобряя её решение и подбадривая, и Розалинда ласково гладила свою любимицу.

– Но должна же я сделать хоть что-то, чтобы он был счастлив! – заявила Розалинда и поспешила с белочкой на руках к книгам заклинаний.

В одной из башен беломраморного дворца хранились волшебные книги с подвластными ей заклинаниями. Розалинда пролистала не один фолиант, прежде чем нашла заклинание, которое сочла подходящим.

Зеркало Мира привычно отразило сначала только Розалинду, а затем замелькали с высоты птичьего полёта страны, города, люди. Лица девушек сменяли друг друга и фея ревниво искала среди них подобную себе.

Светловолосые, зеленоглазые, многие были достойны сравниться с прекрасной феей. Но одна была слишком горда своей красотой, другая – надменна, третья – зла и завистлива. Но много на свете и добродетельных красавиц, и Розалинда не стала терять надежду.

– А если нет, то я сама сотворю её для тебя, – пообещала фея, не слушая возражений Хэллы. – А теперь покажи мне моего Фабио, – попросила она зеркало.

Словно взмахами птичьего крыла менялось отражение в волшебном зеркале, ниточки дорог и рек становились широкими лентами. Через гряду гор, под которыми притаилась маленькая Фьора, через поля и долины, через шумную, суетливую Ростану летел волшебный взор.

Любопытная Хэлла что-то проговорила, запрыгнув на подставку с книгой заклинаний, и юная волшебница послушала белку. Розалинда коснулась ладонью зеркала, остановив взгляд на ехавшем по дороге в Фелисьон экипаже, запряжённой четвёркой лошадей. Молодая женщина в экипаже, была так грустна, что влюблённая фея сочувствующе вздохнула.

– Будь счастлива, насколько просит сердце, – заклинанием шепнула она красивой незнакомке.

А в следующее мгновение взор Розалинды уже ласкал образ Фабио, склонившегося над резьбой. Один вздох феи – и лёгкий ветерок коснулся его тёмно-русых кудрей. Одно прикосновение к зеркалу – и Розалинде ведомы мысли Фабио.

Отрадно юной фее, что помнит о ней молодой ремесленник, но печалит её сердце его грустный взгляд. В мгновение ока она могла бы оказаться рядом с ним, провести ночь в его объятиях, но усмирила свой безрассудный порыв.

Пусть всё останется лишь сном, волшебным воспоминанием, мечтой…

Глава 4

Была самая середина лета. К вечеру одного из тех дней у ворот пансиона донны Флоретты Суарес де Гонзаго остановился ничем особо не примечательный экипаж, запряжённый четвёркой каурых лошадей.

Дверца кареты распахнулась, возница соскочил с облучка и выдвинул подножку. Из кареты вышла молодая женщина в тёмно-лиловом дорожном платье, перчатках и чёрной мантилье. Позвонив в дверной колокольчик, путешественница стала ждать.

Почти незамедлительно из особняка вышла сама донна Флоретта, уже немолодая и чуть полноватая женщина среднего роста. Тёмные волосы, уже тронутые сединой, были убраны в высокую причёску и заколоты гребнями.

Донна Флоретта толкнула половинку решётчатых ворот, сердечно приветствовала гостью. Тем более, что та первая улыбнулась ей.

– Любезная донна Флоретта, – заговорила молодая гостья, – сказали мне, что у вас я могу остановиться на ночь. Путь мой неблизкий, а на дворе вечер.

– Верно люди говорят, – неторопливо ответила почтенная хозяйка. – Для вас, сеньора, я отведу самые лучшие комнаты, – пообещала она, вглядываясь в лицо гостье.

– Если, конечно, и для моего кучера, и экипажа с ло-

шадьми…

– Всем найдётся место, уважаемая госпожа, – заверила молодую сеньору хозяйка пансиона.

Вышедшие из дома слуги ожидали приказаний. Приезжая сеньора согласно кивала распоряжениям донны Флоретты. Кивнула кучеру, уверенная, что тот будет устроен на ночь.

– Экипаж будет стоять на заднем дворе, там же и конюшни. А ваши вещи слуги отнесут в те комнаты, которые вы выберете. Идемте.

Молодая сеньора последовала за хозяйкой, держа в руках небольшой саквояж, который, по всей видимости, не могла доверить чужим слугам. Донна Флоретта понимающе промолчала, присматриваясь к явно богатой и знатной гостье, несмотря на отсутствие гербов на карете и драгоценных украшений на молодой женщине.

Но и то, и другое в дороге было вполне понятно и объяснимо. Непривычным могло показаться лишь то, что дама путешествовала одна, без дуэньи, камеристки или простой служанки. Но даже этому могло быть объяснение, хотя донна Флоретта ни о чём не спрашивала гостью, ведя её в комнаты на втором этаже.

– Вы обещали мне лучшие комнаты, донна Флоретта, – напомнила сеньора слегка холодным от усталости голосом.

– Судите сами. Никто в Суэносе не сможет сказать, что донна Флоретта Суарес де Гонзаго не держит своего слова. По правде сказать, ни одного постояльца сейчас в пансионе

нет. Вам никто не помешает отдохнуть с дороги, а все слуги в вашем распоряжении.

– Превосходно, – откликнулась гостья, не выразив никаких особых эмоций. – Здесь очень мило, донна Флоретта, – заключила она, окинув взглядом комнаты и теперь глядя с балкона на палисадник во внутреннем дворе. – Мне нравится здесь.

– Как будет угодно сеньоре.

Донна Флоретта словно не заметила холодной снисходительности в голосе знатной госпожи. Почтенная женщина не отводила взгляда от своей гостьи. Её закрытое муаровое платье, наводившее мысль о трауре, шелестело складками юбки. В ушах блестели маленькие серёжки. Сеньора устало стянула тонкие перчатки, с глубоким вздохом кинула их на столик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.